

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

Оксана Хващевская

МИРАЖИ

Роман

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2023

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44
Х30

Серия основана в 2018 году

Хващевская, О. А.

Х30 **Миражи** : роман / Оксана Хващевская. — Минск : Четыре четверти, 2023. — 228 с. — (Серия «Женские судьбы»).
ISBN 978-985-581-568-7.

Миражи можно увидеть только в пустыне. Загадочные и очень опасные, иногда они губят целые караваны. Так и в жизни: человек может столкнуться с чем-то притягательным, но не существующим на самом деле. Однако он обманывает себя и, как следствие, в душе остаются пустота и разочарование. Герои Оксаны Хващевской, заблуждаясь и прозревая, все-таки находят свое счастье.

Новый роман популярной белорусской писательницы Оксаны Хващевской «Миражи» для кого-то покажется всего лишь авантюрной историей с интригующими любовными линиями, другим же он даст возможность окунуться в прошлое, подумать о собственных корнях. Автор рассказывает о судьбах разных людей: из белорусской деревни, районного центра, Москвы, Минска.

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-568-7

© Хващевская О. А., 2023
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2023

Пролог

1984 год

Скрипнувшая створка заставила девушку поморщиться и оглянуться. В маленькой комнатке, служившей детской, спали младшие брат и сестра, а кругом царила такая тишина, в которой даже собственное прерывистое дыхание казалось оглушительным.

Девушка отворила створки окошка и соскользнула с подоконника вниз. Прикусила губу, подавляя крик боли, когда ветви сирени, росшей тут же, под окном, вцепились в ее длинные распущенные белокурые волосы.

Вот уже месяц она совершала подобные вылазки, и под покровом летней ночи, осознавая, как это опасно и чем может закончиться, бежала без оглядки к тому единственному и любимому, без которого не представляла своей жизни. Она зашла слишком далеко и уже не могла остановиться. Назад дороги нет, и она убедилась в этом окончательно.

Сегодняшняя ночь должна все изменить в ее жизни, наверное, поэтому сейчас она и боялась больше, чем когда-либо, волновалась сильнее, снова убегая из родительского дома туда, где ждал он... И так же волосы цеплялись за ветки сирени, ведь она всегда оставляла их распущенными. Он так любил перебирать их и зарываться лицом. И каждый раз, безжалостно дергая их, она кусала губы от боли и оставляла на ветках волоски.

Выбравшись из зарослей, она поправила на себе платьице, обула босоножки и, петляя меж огородами, перелезая через ограждения, спустилась к узкой, почти заросшей тропинке, что вела к реке. Перейдя через мостик небольшой плотины, направилась дальше, то и дело косясь на плотную стену старых деревьев и кустов, что росли по левую сторону от реки и были когда-то приусадебным

парком Сиренево, величественной усадьбы Четвертинских. Августовская ночь, уже прохладная и влажная, властвовала над миром. Девушка бежала по тропинке, запыхавшись, пыталась отдышаться, переходя на шаг, и поднимала глаза к небу. Она следила за падающими звездами и как желание или заклинание повторяла: «У меня все будет хорошо! Пусть у меня все будет хорошо!»

В воздухе витал запах тины и смолы. Пахло какими-то неизвестными цветами и грибами. Волны нагретого за день воздуха касались ее обнаженных рук, заставляя вздрагивать. Вглядываясь сквозь лесные заросли, девушка пыталась разглядеть одну из тех узких тропок, что вели наверх. Она приходила сюда столько раз, но, опять путаясь, с трудом находила дорожку, чаще всего пробираясь сквозь лес. Она ни разу не была здесь днем. И даже сейчас, глубокой ночью, не решалась идти к усадьбе открыто. Где-то там, в глубине парка, притаившись среди белокаменных колонн ротонды, каждую ночь ее ждал он. Ждал, даже если она не приходила. Он говорил ей об этом, и она верила. Они никогда не назначали день и час свиданий. Она боялась, потому и не могла приходиться каждую ночь. А он просто ждал и, возможно, вот так же, как и она сейчас, посматривал на звезды и желал только одного — чтобы она пришла. И девушка шла, пробираясь сквозь заросли ежевики и поросль кустарников, путаясь в высоких травах и папоротнике, цепляясь за ковер лесных фиалок, которые устилали партер около большого дома.

Ей хотелось побежать, сократив тем самым минуты, разделяющие их, но она заставляла себя идти, а сердце все сильнее билось в груди...

Сквозь деревья показался просвет. Снова не разглядев нужную тропинку, она вдоль реки прошла до того места, где можно подняться к небольшому озерцу и старому полуразрушенному гроту, огороженному балюстрадой. А дальше, она уже знала, если взобраться еще выше, можно запросто попасть на боковую аллею, ведущую к беседке. Осталось еще чуть-чуть...

Бесшумно выглянув из-за кустов сирени, она увидела человека, неторопливо бредущего по дорожке. Их разделяло с десяток метров. И она, безусловно, узнала его. Не в состоянии оставаться в ротонде, он решил пройтись, в надежде встретить ее, приблизить

час свидания. Девушка собралась было окликнуть его, назвав по имени, но слова застряли в горле, а сердце замерло в груди. Тень внезапно появилась из зарослей сирени, и словно в замедленной съемке она увидела, как что-то поднимается над мужчиной, опускается на голову, и он падает...

Все действительно происходило бесшумно или это она стала вдруг глухой? Девушка не слышала удара и звука падающего тела. Видела только, как тень склоняется над ним, кепка падает с головы, открывая седеющие волосы, падающие на глаза. До боли знакомым движением руки убийца убирает их со лба, подбирает кепку, нахлобучивает ее на голову, то и дело оглядываясь по сторонам, подхватывает под мышки неподвижное тело мужчины. Еще мгновение, и они исчезают в кустах.

Девушка упала на колени, не чувствуя боли от царапающих кожу веток сирени, не чувствуя ничего, будто это не ее любимого сейчас оглушили, утащили, убили, а ее саму. Ее как будто больше не было. А перед глазами все еще стояла тень, склоняющаяся над ним, упавшая кепка, седеющие волосы, неловкий жест рукой... Как много раз она видела это... Ее отец! Убийцей был ее отец!

*Я не холодная, я отстраненная.
Отстранена от главного —
возможности любить.*

Елена Давыдова

Глава 1

Деятнадцать лет спустя

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь яркую и сочную зелень листвы, проникали в комнату и заливали мягким светом высокую кровать с тяжелыми никелированными спинками, отражались в покрашенных досках пола и играли бликами в большом зеркале старого трюмо. А вместе с ними в полуоткрытое окно проникали тонкий аромат садовой сирени, которая росла под окном, и все звуки раннего утра деревни Сиреневая Слобода. Мычали коровы, которых уже подоили и выгнали со двора, отправляя на пастбище, щелкал кнутом пастух, занимая стадо в начале деревни; лаяли собаки, устроив настоящую переключку; хозяйки громко обсуждали утренний удой и первые всходы; а птицы в молодой листве устроили сборный концерт.

Подобное можно было услышать каждое утро. И это казалось таким привычным, как сама жизнь, которая медленно и неторопливо текла в Сиреневой Слободе.

Юля Шарапова сладко потянулась в постели и повернулась на другой бок. Уже несколько лет эти деревенские звуки были неотъемлемой частью ее жизни, и каждый раз уезжая отсюда, она, конечно, скучала по ним. Пятнадцать лет девушка прожила в городе, поэтому всегда считала себя девчонкой городской, а когда переехала в деревню, как-то быстро стала здесь своей, запросто освоившись в бабушкином доме. Родители уезжали работать в Германию,

а девушку страна не впечатляла, как бы красочно о ней не рассказывал отец, и какие бы перспективы не рисовала мать. Она напрочь отказалась туда ехать, но родители не могли оставить ее одну в городской квартире. Выход был только один, и Юля с ним согласилась. Она переехала жить к родителям матери, перевелась в деревенскую школу и теперь наслаждалась волей и свободой в Сиреновой Слободе. Бабушка и дед разрешали ей абсолютно все и не контролировали. А родители из Германии лишь присылали деньги и не имели возможности воспитывать и опекать. Впрочем, в особенной указке и присмотре Юлька не нуждалась. Она с отличием окончила среднюю школу и поступила на заочное отделение иняза. Родители из Гамбурга попытались противиться этому, но Шаропова все равно сделала по-своему. На восемнадцатилетние они прислали ей деньги на компьютер, и девушка занялась переводами и контрольными для студентов, которые учились на том же факультете. Постоянно поддерживая связь с одним из столичных издательств, она час от часу получала небольшие пробные заказы. Но и их было достаточно, чтобы иметь возможность стать независимой в финансовом плане. Конечно, она могла бы и не заниматься этим, но жить на деньги родителей было стыдно. Мама и папа поняли ее стремление к самостоятельности и час от часу присылали хорошие вещи, которые здесь невозможно было купить. Да и много ли ей нужно было?

Юля неделю назад вернулась из Минска, где сдавала сессию, и теперь наслаждалась уютной атмосферой родного дома.

На кухне бабушка ворчливо выговаривала деда, а он лишь посмеивался в ответ. Приглушенно стучали кувшины, в которые Федора Николаевна процеживала молоко. Потом хлопала входная дверь, и дед шел управляться по хозяйству. Во дворе тут же залился радостным лаем старый пес, приветствуя хозяина.

Разбуженная звуками раннего утра, она еще немного понежилась в постели, надеясь уснуть, а потом решительно отбросила в сторону одеяло и соскользнула с кровати.

Сегодня была Красная суббота, а завтра — Пасха. Всю неделю они наводили порядок в доме и во дворе, но все равно кое-что осталось незаконченным, и сегодня еще предстояло потрудиться.

В атласных пижамных штанишках, белой маечке и босиком Юля протопала на кухню, где бабушка уже замешивала тесто на пасхальные куличи, и запах ванили витал в комнате.

— Привет, бабуль! — бодренько поздоровалась она и плюхнулась на стул под образами.

— Доброе утро, внученька! Что ж ты не спала, рано ведь еще!

— Да вроде некогда разлеживаться! Надо подумать о праздничных угощениях и заняться их приготовлением! Да и не спится мне сегодня.

— Юля, может, тебе молочка налить? — предложила Федора Николаевна, отрываясь от теста.

Юлька покачала головой.

— Бабушка, я сама! Хочется вечернего и холодненького! — девушка вскочила со стула и пошла к холодильнику, потягиваясь на ходу.

— Юлечка, посмотри на нижней полке в литровой банке, я специально оставила для тебя!

Шарапова достала из холодильника банку и налила молоко в чашку.

— Бабушка, а родня в котором часу обещала прибыть? — спросила она, когда чашка с молоком была благополучно опустошена.

— Таня с детьми собиралась ближе к обеду приехать. Ваня будет дежурить ночью в церкви, а завтра и он приедет! Юля, что тебе на завтрак приготовить?

— Бабушка, ты не беспокойся, я приведу себя в порядок и сама что-нибудь приготовлю! Да и есть мне пока не хочется!

Юля вернулась к себе в комнату и достала из шкафа красный спортивный костюм из тонкого вельвета, который носила дома. Мимоходом заглянула в зеркало и поморщилась — лохматая и сонная. А так очень даже ничего. Подруги, бывшие одноклассницы, с легкой завистью утверждали, ее внешность ничто не может испортить! И, между прочим, были недалеки от истины.

Юлька снова заглянула в зеркало, но теперь уже не морщась. У нее хорошая фигурка, и это общепризнанный факт. Конечно, миниатюрной и хрупкой ее вряд ли можно назвать. Выше среднего роста, горделиво вскинутая голова, расправленные плечи и высокая грудь, тонкая талия и пропорционально округлые бедра

создавали прямо-таки модельный образ. Шелковистые волосы темно-каштанового цвета ниспадали до талии и обрамляли мягкий овал лица с плавными линиями подбородка. Темные брови ломаной линией взлетали к вискам. Миндалевидные глаза были глубокого темно-серого цвета; носик был небольшим и просто идеально вылепленным; красиво очерченные полные губы делали ее лицо ярким, притягательным, выразительным. А ко всему этому добавлялась чистая кожа нежно-кремового цвета.

Переодевшись, девушка расчесала волосы и, разобрав их на прямой пробор, заплела две косы, закрепив красными резинками.

— Юлька! — кто-то окликнул ее на улице, когда она собралась застелить постель.

Тут же бросив возню с одеялом, девушка поспешила к открытому окошку. Перегнувшись через подоконник, Юля раздвинула ветки сирени и увидела свою загадочную подружку Шурку Калинину. Ей было лень заходить в дом через дверь как всем нормальным людям. Впрочем, Юля и сама частенько пользовалась окошком, чтобы не беспокоить лишний раз бабушку и деда. Шаропова махнула подружке рукой и уселась на подоконнике, дожидаясь, пока та проберется сквозь заросли.

— Юлька, сколько раз просила, подрежь эту чертову сирень, скоро вообще к твоему окну невозможно будет пролезть! — ворчливо заметила Шурка, благополучно миновав заросли, и взобралась на подоконник с другой стороны.

— Привет! — беспечно поздоровалась Юлька, пропуская ее ворчание мимо ушей. — Тебя чего так рано принесло?

— Так я только сегодня приехала и сразу к тебе рванула! Вчера лекции допоздна были, и я не успевала на дизель! Мы сегодня идем на Всенощную?

— Идем, конечно! Правда, с точным количеством желающих проблема: кроме нас с тобой, никто не собирается!

— Ага, как же! Сегодня Ковальчук и Семченко в автобусе навивались с нами, да и пацаны интересовались нашими планами! Соберем тусовку и к реке? — уточнила Шурка.

Подружка была полной противоположностью Юли. Маленькая, пухленькая, с косой пшеничного цвета, светло-серыми наивно

распахнутыми глазами и россыпью веснушек на курносом носу. Незнакомым людям при первой встрече девушка могла показаться несколько глуповатой, несерьезной веселушкой-хохотушкой. Она действительно была веселой и легкой в общении, но не глупой, наоборот, училась в университете на экономиста.

— Соберем, конечно! Только нужно определиться с местом, дровами и вообще!

— Главное, с выпивкой определиться! Не взять мало, потом ведь негде будет купить, а дрова и место — как всегда! Пойдем в лес, там всегда полно сухих веток! Я девчонкам нашим звякну, а пацаны обойдутся, вдруг, как и в прошлый раз, к нам на огонек заглянут парни из города, так что наших не стоит заранее обнадеживать!

— Слушай, Шурка, ты такая экстремалка! Не боишься, что сегодня вообще никто не заглянет? — усмехнувшись, спросила Юля.

— Не-а! Если не заглянут, мы выпьем и сами пойдем искать приключения!

— Ага! И, конечно, найдем! Помнишь, два года назад мы наткнулись на какого-то пьяного идиота в лесу, и Семченко, медичка несчастная, определила, что он умер! Какой переполох подняли тогда в Сиреновой Слободе! Хорошо, хоть милицию не вызвали! Чуть ли ни всей деревней лес прочесывали, а он проспался и свалил! Мне тогда от бабушки с дедом здорово влетело!

— Да, помню я все! Правда, стыдно было! Только все равно смешно ведь вышло, и есть что вспомнить! Помнишь, как Ковальчук орала: «Караул! Убили!» и бежала так, что прямо пятки сверкали?

Девушки весело рассмеялись, а в комнату заглянула Федора Николаевна.

— Юлечка, с кем это ты разговариваешь?

— С Шуркой, бабуль!

— Шурка, когда ты научишься входить через дверь? — покачала головой старушка. — Юлька, зови подружку завтракать! Небось, поесть еще не успела! Я ж видела, как с автобуса шла!

— Мы сейчас, бабушка! — ответила Юля и улыбнулась. — Пойдем есть, потом решим со спиртным! Слушай, Шурка, к нам сегодня гости приезжают, так что мне придется с ними немного побыть, да и всяких дел еще полно!